

Ваши знаменитые знакомые

ЛЕОНИДУ
УТЕСОВУ —
80
ЛЕТ

ЧЕЛОВЕК И ОРКЕСТР

■ Оно пришло к нам когда-то, давным-давно, и сегодня, в роша воспоминания, поражаешься не только безошибочности угадывания, радостью протянувшегося из времени прошедшего во всегдашнее время, но и удивительной молодости, которая словно аккумулируется им, которая ложится вдруг отраженным светом на наши лица, согревая их улыбками.

Сегодня Леонид Осипович Утесов стоит у порога восьмидесятилетия, и, честное слово, громоздкость этой круглой даты кажется ему не совсем уместной: ни стареть, ни тем более устаревать он не собирается.

Помните: лет сорок пять назад на подмостках первого московского мюзинхолла на Садовой-Триумфальной весело синкопировал утесовский ТЕА-Джаз и с белого полотнища, протянутого через площадку, шел Утесов, провожая публику после представления: «Пона, пона, уж ночь не далека.»? И пастуха Костю Потехина, напевающего с экрана «Легко на сердце от песни веселой...»? Неужели им уже сорок, «Веселым ребятами»? Помните, как подпевали все мы Утесову в 45-м, победном: «Брестская улица по городу ведет!»? Как ждали Утесова, как ходили на Утесова и двадцать лет тому, и десять? И никогда не разочаровывались.

Государственный эстрадный оркестр РСФСР, художественным руководителем которого уже многие годы является Л. О. Утесов, после долгого молчания вновь заявил о себе анонсами предстоящих концертов.

Однако в данном случае старый знакомый не только преодолел, но и претерпел значительные изменения. Узнать его не так-то легко, ибо от прежних встреч с ним сохранилось разве что его название, не больше. И потому новое свидание сулит нам сюрпризы открытий.

— Джаз — это не оркестр. Это характер музыки, — сказал Леонид Осипович, как бы предупреждая мой вопрос о тех, чисто внешних количественных переменах, какие произошли с его оркестром в течение полувека. — Один роля может быть джазом и наоборот — боль-

шой ансамбль музыкантов, исполняющих так называемую легкую музыку, отнюдь не всегда способен играть настоящий джаз. Казалось бы, неотъемлемый от джаза инструмент — саксофон был придуман в 1842 году, когда джазовых ансамблей еще не существовало. И прежде чем в начале нашего века занять свое место в них, саксофон сыграл немало классических партий в медных группах симфонических оркестров. Дело, как видите, не в инструментах, а в инструментове, не в количестве исполнителей, а в качестве исполнения ими тех ритмических построений, какие отличают настоящий джаз.

В том, самом первом составе утесовского джаза было десять музыкантов. В афишах их нередко называли тогда «горячей десяткой», что вполне соответствовало модным западным образцам, подразумевало эдакую музыкальную бесшабашность, приправленную солидными дозами горячительных ритмов рэг-тайма. И в самом деле, соблазн джазового эпигонства в ту, младенческую пору советского эстрадного искусства был достаточно велик. Утесов поборол в себе этот соблазн.

ТЕА-Джаз, созданный и придуманный им, по самой идее своей должен был стать первопроходцем жанра, только еще нарождающегося у нас, интерпретатором и крестным отцом отечественной эстрадной песни.

Уже потом, спустя время, спел Утесов: «Ведь песня людям так нужна, как птице крылья для полета». Выразит в словах то, что, по сути, всегда было основой его творчества, постоянно находилось в фокусе его внимания. С самых первых шагов, с первых театрализованных концертов своего ансамбля, весело ниспровергавшего существующие музыкальные и сценические каноны (Утесов успел даже Раскольникову сыграть в эксцентрическом шоу «От трагедии к трагедии», и такое было!), искал он собственный путь в музыке, несхожую с другими манерами исполнения.

— Годы потихоньку теснили меня с

подмостков, в кулисы, — улыбается Леонид Осипович. — И теперь, на рубеже восьмидесяти, на эстраде осталось лишь мое имя. А может быть, эхо имени?

Действительно, мы уже давно не видели Утесова. В красной строке афиш не хватало нам его голоса, его улыбки.

И вот новая, юбилейная программа Государственного эстрадного оркестра РСФСР обещает не только ретроспекцию пройденного («От трапедии до пенсии»), — не прочь пошутить Леонид Осипович, но и встречу с Утесовым, возраст которого как-то не получается принимать всерьез.

Итак, рождение нового оркестра. Собственно, с этого все и началось, потому что всегда и во все времена, лучшие и худшие, именно оркестр был главным действующим лицом всех программ, с какими выступал Леонид Осипович Утесов. Менялись музыканты, увеличивался или уменьшался их состав, но одно оставалось неизменным — оркестр Утесова непременно был стержнем представлений, которые никак не умещались в привычных рамках традиционных эстрадных концертов, являя собой некий особый вид синтетического музыкального искусства, придуманный Утесовым и доведенный им до совершенства.

Весной прошлого года за дирижерский пульт оркестра встал композитор заслуженный деятель искусств РСФСР Константин Певзнер. Впрочем, оркестра как такового уже не существовало, и приглашение, которое получил многоопытный Певзнер, восемнадцать лет кряду возглавлявший с успехом «Рэро», подразумевало не реконструкцию старого, а создание абсолютно нового коллектива.

Многие, теперь уже можно говорить об этом, восприняли этот творческий альянс скептически — слишком уж несхожими казались Утесов и Певзнер.

Но случайность нужна искусству. Она помогает высекать искры открытий. Поступательность движения по пути гладкому и торному в крайнем случае чревата лишь стоптанными башмаками. Сознать это неинтересно и скучно.

— Вплоть до недавнего времени я считал, что мы с Леонидом Осиповичем вроде как антиподы в своих отношениях к эстрадно-музыкальному жанру, — рассказывает Константин Певзнер. — Однако возможность совместного творчества с таким великолепным мастером, как Утесов, — огромный соблазн для каждого музыканта.

Авторы программы Олег Левицкий и Сергей Михалков облекли ее в форму весьма причудливую, расшифровывающую примерно так: «Театрализованное музыкально-танцевальное представление Утесов-80». Они же, перефразируя известную строчку из утесовской

песни, дали ей и другое, более лаконичное и точное название: «Когда приходит молодость».

И в самом деле, молодость можно считать самой яркой отличительной чертой будущего представления. В парадоксе кажущейся несовместимости ее с юбилеем нет, в сущности, ничего парадоксального. В ней — и подарок Леониду Осиповичу, и его ответ нам, зрителям.

В старости горизонты не кажутся такими уж далекими. Смеясь, Утесов рассказывает:

— Недавно обнаружил, что могу читать без очков. Радостно сообщил об этом врачу: вот мол, всегда носил очки, а теперь отлично вижу без них. Оказалось, что радоваться вроде нечему: возрастное помутнение глазного хрусталика. Все научно и в высшей степени прозаично.

Однако не всегда они правомерны, эти сухие научные термины. Не всегда стоит принимать их на веру. Меня поражала зоркость утесовского взгляда. Его чуткий слух. Наконец, та творческая раскрепощенность, тот оптимизм созидания, какие отличали репетиции Государственного эстрадного оркестра РСФСР последнего зова.

— В жизни раз бывает не только восемнадцать, но и восемьдесят лет. Это очень большая высота. Благословенный страх завораживает в душу, когда глядишь с нее: тут — обрывки, дырочки, как бы не загромозди! И многое кажется далеким и давним. И все — уже было. Что-то там едва брезжит на горизонте воспоминаний, что-то видится более отчетливо и крупно. А ведь я прожил счастливую жизнь, думаю, думаю. Я рос вместе со своей страной. Все ее трудности и невзгоды, победы и радости стали вехами и моей биографией. Страна боролась с голодом и разрухой, страна строилась, вела страшную войну с фашизмом, освобождала целину, покоряла космос... А что делал Утесов все это время? — я спрашиваю. Утесов шел. И если мои песни хоть в чем-то помогали людям, в радости ли, в горе, значит, жизнь моя прошла не напрасно.

После достаточно долгих и нервных конквист Утесов и Певзнер отобрали для будущего оркестра двадцать восемь музыкантов.

— Почему именно 28? Много это или мало?

— Для того чтобы играть плохо, наверное, слишком много, — говорит Певзнер. — Если же серьезно, то состав оркестра обусловлен характером музыки, которую он исполняет. А в этом смысле наша новая программа чрезвычайно разнообразна: мы играем и чистый джаз, и симфо-джаз, и анимационные вокальные номера. Диапазон велик, и он диктует принципы оркестровки. Большой состав раскрепощает фантазию. Само же название концерта, да и сам концерт вроде как подарок юбиляру...

— Зачем же так? — Утесов оказывается, внимательно слушал пространное объяснение Певзнера — Лучшее уж не юбиляру, а от юбиляра. В моем возрасте, знаете ли, пора возвращать долги

«Утесов спел»? Это Баттистини на восьмом-десятом концерте давал, а я и раньше-то... — Утесов махнул рукой, лукаво глянул на нас и негромко, так, как умеет только он, пропел: «Когда приходит молодость, еще сильнее любит».

— Не «проходит», а «приходит», Леонид Осипович, — подсказал кто-то из оркестра.

И всем стало весело, и все засмеялись. И Утесов тоже. Потому что и в самом деле здесь, в репетиционном зале, в обстановке какой-то приподнятой творческой жизнерадостности, все и впрямь ощущали себя молодыми.

Оркестр был молод — первый концерт ему только еще предстоял.

Солисты были молоды — многие из них впервые готовились выйти на подмостки профессиональной эстрады.

Песни, которые они исполняли, тоже были молоды, ибо в большинстве своем никогда еще не звучали и написаны молодыми композиторами и поэтами, имена которых тоже лишь предстояло узнавать.

И старые песни звучали по-новому, потому что трансплантированная им молодость не была отторгнута, а, наоборот, обещала долгую и счастливую жизнь.

— Среди наших солистов нет звезд, — рассказывает Константин Певзнер. — Пока нет, — тут же поправляется он. — Прислушавшись к ним с Леонидом Осиповичем, обращали внимание не только на чисто вокальные данные, но и на музыкальность, чувство ритма, умение адаптироваться в современных эстрадных манерах. Этим, по-моему, следует объяснить то, что некоторые певцы мы пригласили из драматических театров: Вацлав Сираубе пришел и нам из Театра имени К. С. Станиславского, Владимир Кочан — из ТЮЗа, где Владимир с успехом играл д'Артаньяна в музыкальном спектакле по «Трем мушкетерам». А Дюма Нора и Михаил Ивановы работали в театре «Ромэн». Во время репетиций ознакомились, что Нора умеет и должна петь джаз, что у нее удивительного диапазона голос, врожденное чувство импровизации. Танцующая певица Галина Лушина принята в наш коллектив из студии эстрадного искусства, Татьяна Никифорова пришла из Орджоникидзе, а Татьяна Смирнова, лауреат конкурса «Молодые голоса» 1974 года, выступала до этого в самодеятельности, работая в Рыбинске, на заводе. Как видите, знакомых имен нет. Мы только лишь приглашаем вас познакомиться.

Анонсы — всегда загадочны. И потому не следует предвирать их отгадками, навязывать собственный ассортимент вымышленных им эмоций, связанных с именем Л. О. Утесова — человека и оркестра.

Не лучше ли последовать древней мудрости, гласящей, что в одну реку нельзя вступить дважды: войдешь в нее снова в том же месте, а вода здесь уже другая.

В реках воспоминаний тоже нет стоялой воды. И это — хорошо.
Александр МАРЬЯМОВ.